

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2026-9-3-45-56>

CBMFVZ

Особенности психологических защит и самопредъявления у женщин с разным уровнем внутренней конфликтности

Нелли Н. Хачатурян¹ , Луиза А. Етумян¹ ✉,

Евгений Е. Марухин²

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Российская Федерация

✉ luiza.yetumyan@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность темы определяется высоким влиянием самооотношения, в частности – внутренней конфликтности, на поведение личности и, как следствие, на качество жизни и субъективное благополучие.

Цель. Изучить особенности структуры психологических защит и самопредъявления у женщин как предикторов и последствий внутренней конфликтности.

Материалы и методы. Для сбора эмпирических данных была использована шкала «Внутренняя конфликтность», входящая в состав «МИС» С. Р. Панталева, «Методика диагностики структуры и силы психологической защиты» и опросник «Стратегии самопредъявления». Для обработки результатов применены *U*-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ, линейная регрессия.

Результаты исследования. В исследовании приняли участие 94 женщины в возрасте от 18 до 43 лет. Респонденты были поделены на две группы: 1) женщины с низким уровнем внутренней конфликтности ($n = 54$), 2) женщины с высоким уровнем внутренней конфликтности ($n = 40$). Статистически значимые различия подтвердились по шкалам «Демонстрация слабости / мольба», «Отслеживание впечатления», «Вытеснение», «Регрессия» и «Смещение». Средние значения всех параметров выше в группе женщин с высоким уровнем внутренней конфликтности. Ядро взаимосвязей параметров защитных механизмов и самопредъявления в группе 1 выстраивается вокруг показателей «Регрессия», «Демонстрация слабости/ мольба» и «Отслеживание впечатления». У группы 2 взаимосвязи выстраиваются вокруг параметров «Вариативность поведения», «Сублимация», «Отслеживание впечатления» и «Проекция». Психологические защиты «Вытеснение», «Регрессия» и «Смещение» являются предикторами внутренней конфликтности. При этом, внутренняя конфликтность влияет на выраженность параметров самопредъявления «Демонстрация слабости / мольба» и «Отслеживание впечатления».

Обсуждение результатов. Внутренняя конфликтность проявилась как промежуточная переменная: с одной стороны она детерминируется различными типами психологических защит (регрессия, вытеснение, смещение), а с другой – сама выступает как фактор поведения личности (демонстрация слабости, отслеживание впечатления).

Ключевые слова: предикторы внутренней конфликтности, психологические защиты, самооотношение, самопредъявление, демонстрация слабости, регрессия, вытеснение

Для цитирования. Хачатурян, Н. Н., Етумян, Л. А., и Марухин, Е. Е. (2026). Особенности психологических защит и самопредъявления у женщин с разным уровнем внутренней конфликтности. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 9(3), 45–56. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2026-9-3-45-56>

Features of Psychological Defenses and Self-Expression in Women with Different Levels of Internal Conflict

Nelly N. Khachaturian¹ , Louisa A. Yetumyan¹ ✉, Evgeny E. Marukhin²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ luiza.yetumyan@gmail.com

Abstract

Introduction. The relevance of the topic is determined by the high influence of self-attitude, in particular, internal conflict, on the behavior of the individual and, as a result, on the quality of life and subjective well-being.

Objective. To study the features of the structure of psychological defenses and self-expression in women as predictors and consequences of internal conflict.

Materials and Methods. To collect empirical data, we used the “Internal conflict” scale, which is part of S. R. Pantileev’s “MIS”, “Methodology for diagnosing the structure and strength of psychological defense” and the questionnaire “Strategies of self-expression”. The results were processed using Mann-Whitney *U*-test, correlation analysis, and linear regression.

Results. The study involved 94 women aged 18 to 43 years. The respondents were divided into two groups: 1) women with a low level of internal conflict ($n = 54$), 2) women with a high level of internal conflict ($n = 40$). Statistically significant differences were confirmed on the scales of “Weakness Demonstrations / pleading”, “Impression Tracking”, “Displacement”, “Regression” and “Bias”. The average values of all parameters are higher in the group of women with a high level of internal conflict. The core of the relationships between the parameters of defense mechanisms and self-expression in group 1 is built around the indicators “Regression”, “Demonstration of weakness/ pleading” and “Tracking impressions”. In Group 2, relationships are built around the parameters “Behavior Variability”, “Sublimation”, “Impression Tracking” and “Projection”. Psychological defenses “Displacement”, “Regression” and “Displacement” are predictors of internal conflict. At the same time, internal conflict affects the expression of the parameters of self-expression “Demonstration of weakness / plea” and “Tracking impressions”.

Discussion. Internal conflict manifested itself as an intermediate variable: on the one hand, it is determined by various types of psychological defenses (regression, displacement, displacement), and on the other hand, it itself acts as a factor of individual behavior (demonstration of weakness, tracking impressions).

Keywords: predictors of internal conflict, psychological defenses, self-attitude, self-expression, demonstration of weakness, regression, displacement

For Citation. Khachaturian, N. N., Yetumyan, L. A., & Marukhin, E. E. (2026). Features of psychological defenses and self-expression in women with different levels of internal conflict. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 9(3), 45–46. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2026-9-3-45-56>

Введение

Категория самоотношения в теории В. В. Столина и его последователей понимается как некоторое устойчивое чувство в адрес собственного «Я», которое, несмотря на обобщенность, содержит ряд уникальных аспектов. Внутренняя конфликтность – это динамический компонент самоотношения, который имеет разноуровневые связи в структуре личности, а также обуславливает внешние паттерны поведения человека, что делает эту тему актуальной для изучения. Современные исследования показывают, что с ростом уровня внутренней конфликтности растут и показатели самоповреждающего поведения (Алексеева и Платонова, 2020), эмоциогенного переживания (Черняева, 2023), склонности к созависимым отношениям (Удачина и др., 2025), эскапизму (Савченко и Теславская, 2023). Внутренняя конфликтность также прямо связана с низким уровнем ассертивности и кризисом идентичности личности (Малькова и Маралов, 2025), с выраженностью мизогинных установок (Белинская и Авазматова, 2023) и возникновением когнитивно-эмоциональных конфликтов (Варганова, 2023). Некоторые исследования показывают связь внутренних конфликтов с психологическими защитами (Буртовая, 2018), и это направление, на наш взгляд, является перспективным для целей психологического консультирования, однако остается недостаточно изученным.

Автор одной из наиболее известных современных концепций психологической защиты Р. Плутчик рассматривает защиты как социально приемлемые бессознательные когнитивно-поведенческие стратегии, возникающие в ответ на переживание базовых эмоций (таких как страх, гнев, печаль и радость). Феномен психологической защиты является сложным и многозначным системным образованием, детерминирующим характер проявления личности и ее поведения (Romeo et al, 2022; Turiaso et al, 2025). Следует различать психологическую защиту конструктивную и деструктивную. В то время как зрелые защитные механизмы считаются факторами, способствующими сохранению психического здоровья (Conversano, 2021; Gori et al., 2022), чрезмерное использование незрелых и невротических защитных механизмов связано с негативными последствиями (Cramer, 2014). В иссле-

дованиях отечественных и зарубежных ученых, психологические защиты рассматривались как факторы стресса и посттравматического стрессового расстройства (Кузнецова и Гуткевич, 2024; Gori et al., 2023), фактор профессиональной подготовки специалистов (Билецкая, 2024; Цветков и Новосельская, 2024) и др., но в научной литературе нам не встретились исследования, касающиеся взаимосвязи психологических защит личности и поведенческих стратегий самопредъявления.

Э. Джонс и Т. Питтман создали одну из первых классификаций стратегий самопредъявления, в которой самопредъявление понимается как совокупность поведенческих актов личности, направленных на создание определенного образа в глазах окружающих. Самопредъявление представляет собой неотъемлемую составляющую межличностных отношений и обусловлено индивидуально-психологическими особенностями коммуникатора (Ахмадеева и Башкатов, 2021). Формирование умений самопредъявления может стать компонентом личной и профессиональной успешности (Савин, 2012), а разработка модели самопредъявления в межличностных отношениях (Ахмадеева и Дмитриева, 2023) делает вклад в развитие дидактического подхода в изучении самопредъявления. Научная новизна данного исследования состоит в том, что внутренняя конфликтность изучается не просто как отдельный элемент, а как медиатор между бессознательными защитными механизмами и сознательными стратегиями самопредъявления. Изучение связи психологических защит и самопредъявления личности, а также внутренней конфликтности как аспекта самоотношения позволит дополнить понимание роли этих феноменов в психологическом благополучии личности.

Мы предполагаем, что у женщин с разным уровнем внутренней конфликтности особенности психологических защит и самопредъявления будут иметь различия и специфичную структуру взаимосвязей. Целью данного исследования стало выявление особенностей структуры психологических защит и самопредъявления у женщин, а также предикторов и следствий внутренней конфликтности.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутых гипотез использовался следующий методический инструментарий:

- **Методика исследования самоотношения** (Пантилеев, 1991): при анализе результатов использовалась шкала «Внутренняя конфликтность», значения которой применялись для деления выборки на группы.
- **Методика диагностики структуры и силы психологической защиты** (Субботина, 2006). При анализе результатов были использованы следующие шкалы: «Вытеснение», «Регрессия», «Формирование реакции», «Рационализация», «Смещение», «Отрицание», «Проекция», «Компенсация», «Сублимация».
- **Опросник «Стратегии самопредъявления»** (Шкуратова, 2004). При анализе результатов были использованы следующие шкалы: «Стремление понравиться», «Самопродвижение», «Примерность», «Запугивание», «Демонстрация слабости / мольба», «Отслеживание впечатления», «Вариативность поведения».

Полученные данные были обработаны с применением стандартных методов описательной статистики. Для статистического анализа достоверности различий был применен непараметрический U -критерий Манна-Уитни. Исследование значимых корреляционных связей проводилось с помощью расчета коэффициента ранговой корреляции r -Спирмена. Линейная регрессия была применена для выявления предикторов внутренней конфликтности. Обработка проводилась на базе программы Jamovi 2.3.28.

Результаты исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 94 женщины в возрасте от 18 до 43 лет (средний возраст 20 лет, стандартное отклонение – 4,44), обучающихся в ДГТУ на факультете психологии, педагогики и дефектологии. По результатам диагностики с помощью «Методики исследования самоотношения» С. Р. Пантилеева респонденты были поделены на 2 группы: с низким уровнем внутренней конфликтности (группа 1, $n = 54$) и высоким уровнем внутренней конфликтности (группа 2, $n = 40$). Далее представлены результаты по методикам в рамках сравнения средних значений по выделенным группам респондентов.

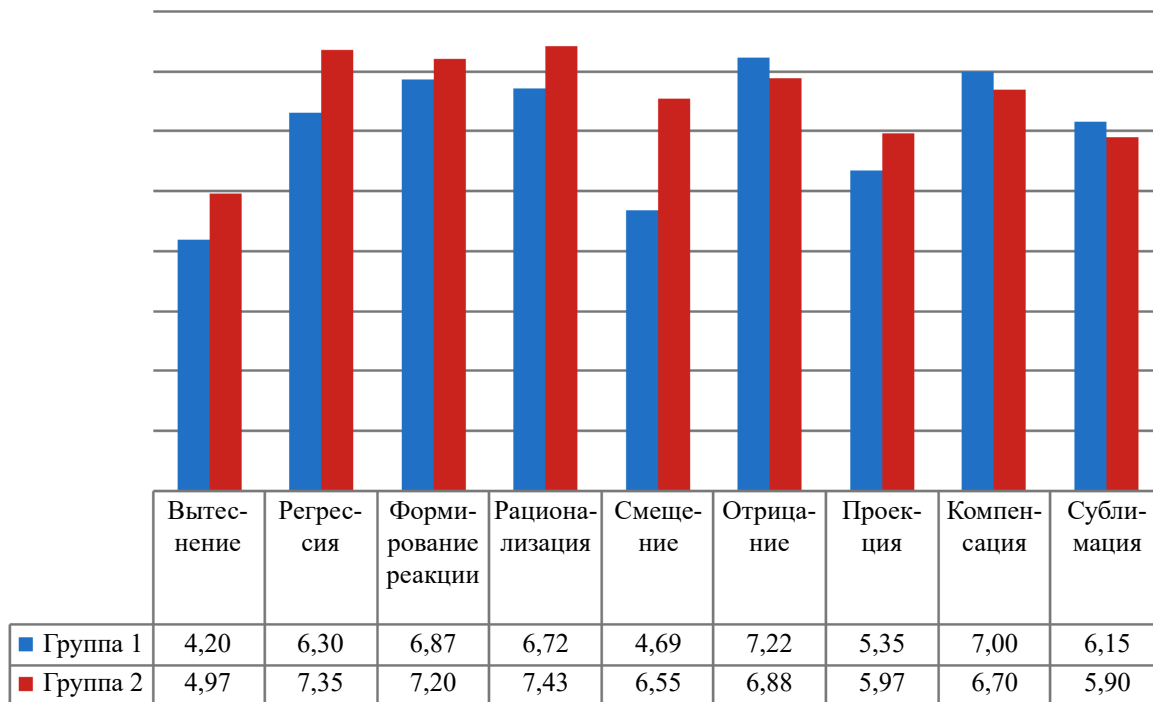
Структура и сила психологической защиты. Рассмотрим средние значения выраженности различных видов психологических защит в группах женщин с низким и высоким уровнем внутренней конфликтности, представленные на рисунке 1.

В группе 1 баллы средних значений ниже по шкалам «Вытеснение» (группа 1 – 4,2; группа 2 – 4,97), «Регрессия» (группа 1 – 6,3; группа 2 – 7,35), «Формирование реакции» (группа 1 – 6,87; группа 2 – 7,2), «Рационализация» (группа 1 – 6,72; группа 2 – 7,43), «Смещение» (группа 1 – 4,69; группа 2 – 6,55) и «Проекция» (группа 1 – 5,35; группа 2 – 5,97). Это значит, что женщинам из группы с высоким уровнем внутренней конфликтности больше свойственно выключение из сознания неприемлемого мотива или ситуации, возвращение к свойственным более раннему возрасту методам психосексуального функционирования, преувеличении отдельного эмоционального аспекта ситуации в целях снижения интенсивности переживания другой эмоции, нахождение приемлемых причин для неприемлемых мыслей или действий, и перенесение действия с реально травмирующего объекта на другой и неосознанный перенос собственных чувств и желаний на другого человека. Также мы видим, что в группе 1 выше значения по шкалам «Отрицание» (группа 1 – 7,22; группа 2 – 6,88), «Компенсация» (группа 1 – 7; группа 2 – 6,7) и «Сублимация» (группа 1 – 6,15; группа 2 – 5,9). Это говорит о том, что женщинам с высоким уровнем внутренней

конфликтности в данной выборке более свойственно игнорирование неприятной информации (но не тотальное вытеснение их из сознания), активная деятельность по возмещению своих реальных или мнимых недостатков, а также перевод неприемлемых желаний и форм поведения в социально одобряемые. Следует отметить, что к высокому уровню использования психологических защит (7 и более стенов) можно отнести такие параметры как «Регрессия», «Формирование реакции», «Рационализация» в группе женщин с низким уровнем внутренней конфликтности и «Отрицание», «Компенсация» у женщин с высоким уровнем конфликтности.

Рисунок 1

Сравнение средних значений силы психологических защит у женщин с разным уровнем внутренней конфликтности

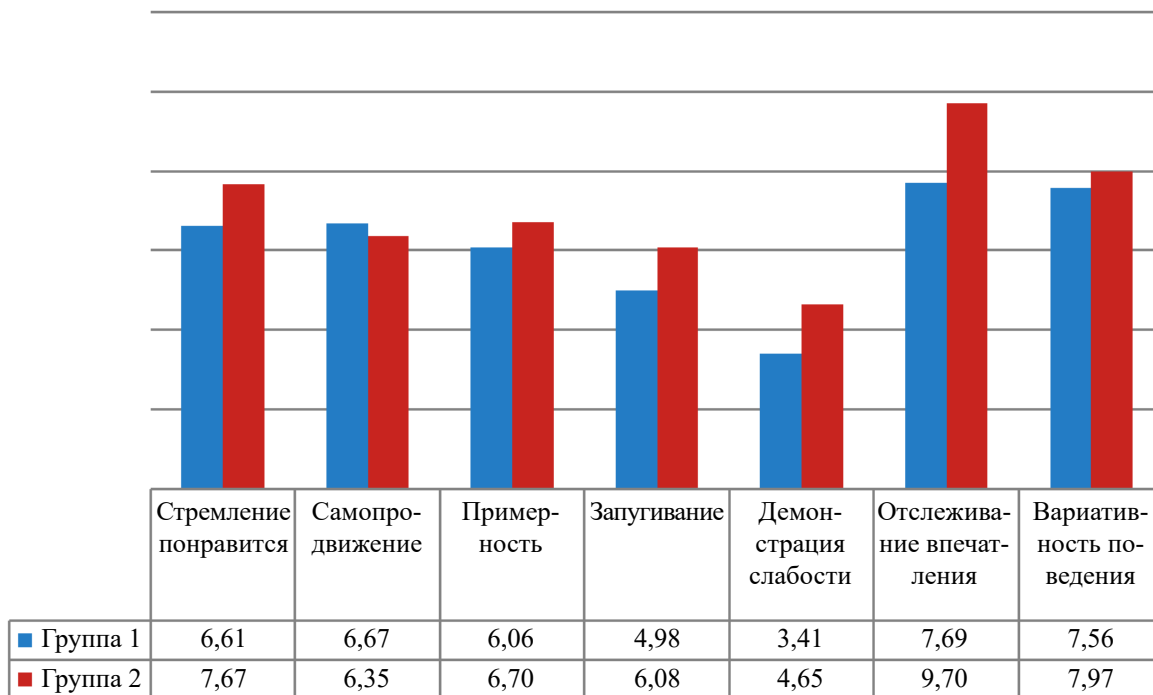
Прим.: группа 1 – женщины с низким уровнем внутренней конфликтности, группа 2 – женщины с высоким уровнем внутренней конфликтности.

Стратегии самопредъявления. Сравним средние значения по методике «Стратегии самопредъявления» И. П. Шкуратовой между группами женщин с низким и высоким уровнями внутренней конфликтности, представленные на рисунке 2.

В группе 1 баллы средних значений ниже по шкалам «Стремление понравиться» (группа 1 – 6,61; группа 2 – 7,67), «Примерность» (группа 1 – 6,06; группа 2 – 6,7), «Запугивание» (группа 1 – 4,98; группа 2 – 6,08), «Демонстрация слабости / мольба» (группа 1 – 3,41; группа 2 – 4,65), «Отслеживание впечатления» (группа 1 – 7,69; группа 2 – 9,7), «Вариативность поведения» (группа 1 – 7,56; группа 2 – 7,97). Это говорит о том, что совокупность поведенческих стратегий выборки женщин группы с высоким уровнем внутренней конфликтности чаще направлены на повышение собственной привлекательности с целью получения выгоды от другого человека, у них более выражена демонстрация духовного превосходства и стремление казаться морально безупречными, они чаще прибегают к тактике угрозы из желания подчинить себе собеседника, чаще стараются казаться слабыми в целях склонения окружающих к оказанию им помощи, а также более склонны контролировать ответные реакции партнеров на собственное поведение и обладают развитой способностью менять стратегию своего поведения в зависимости от партнера или ситуации общения. Также мы видим, что в группе 1 выше значения по шкале «Самопродвижение» (группа 1 – 6,67; группа 2 – 6,35), т. е. этим женщинам более свойственна демонстрация собственной экспертности как фактора превосходства.

Рисунок 2

Сравнение средних значений различных стратегий самопреждевления у женщин с разным уровнем внутренней конфликтности

Статистически значимые различия. Перейдем к рассмотрению статистически подтвержденных отличий по методикам «Стратегии самопреждевления личности» и «Структура и сила психологической защиты» между группами женщин с различным уровнем внутренней конфликтности, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Статистическая обработка результатов по U-критерию Манна-Уитни (только подтвержденные отличия)

Параметр	Средние значения		p
	группа 1	группа 2	
Демонстрация слабости / мольба	3,41	4,65	0,014
Отслеживание впечатления	7,69	9,70	0,016
Вытеснение	4,20	4,97	0,031
Регрессия	6,30	7,35	0,014
Смещение	4,69	6,55	<,001

Прим.: группа 1 – женщины с низким уровнем внутренней конфликтности, группа 2 – женщины с высоким уровнем внутренней конфликтности.

Статистически значимые различия подтвердились по шкалам «Демонстрации слабости / мольба» ($p < 0,05$), «Отслеживание впечатления» ($p < 0,05$), «Вытеснение» ($p < 0,05$), «Регрессия» ($p < 0,05$) и «Смещение» ($p < 0,001$). Средние значения всех параметров выше в группе 2. Эти данные свидетельствуют о том, женщины с высоким уровнем внутренней конфликтности чаще прибегают к стратегии демонстрации слабости и просьб, обаявая тем самым окружающих к оказанию им помощи, что дает власть сострадания и больше контролируют собственное поведение и ответные реакции партнеров (вплоть до демонстративного поведения). Также для них более характерно недопущение в сознание собственных неприемлемых поступков и их мотивов, возврат к более ранним, менее зрелым формам поведения (обида, плач) и перенос действий с реально травмирующего объекта на другой, более безопасный (начать конфликт с соседями как смещение с травмирующей ситуации с начальством).

Рассмотрим значимые корреляции по шкалам методик в группе 1 представленные в таблице 2.

Шкала «Сублимация» имеет прямые связи со шкалами «Самопродвижение» ($p < 0,05$) и «Примерность» ($p < 0,05$), т. е. чем более свойственно личности перенаправление энергии конфликта и стресса в социально одобряемое русло, тем сильнее выражена в ее поведении демонстрация компетентности и лидерской позиции. Шкала «Регрессия» имеет прямые связи со шкалами «Примерность» ($p < 0,05$), «Демонстрация слабости/ мольба» ($p < 0,01$), «Вариативность поведения» ($p < 0,05$) и «Отслеживание впечатления» ($p < 0,01$). Т. е. чем чаще личность

прибегает к свойственным раннему возрасту формам реагирования на неприятные ситуации, тем более ей свойственно хвастовство, просьбы о помощи и тем более она чувствительна к реакциям на себя и способна к изменению собственного поведения в зависимости от собеседника или ситуации общения. Шкалы «Рационализация» ($p < 0,05$) и «Проекция» ($p < 0,05$) прямо связаны со шкалой «Отслеживание впечатления», т. е. попытка объяснения собственных неприемлемых чувств и желаний удовлетворительными причинами или приписывание их другому человеку сочетаются с последовательным мониторингом производимого на окружающих впечатления. Шкала «Смещение» имеет прямые связи со шкалами «Запугивание» ($p < 0,05$), «Демонстрация слабости/ мольба» ($p < 0,01$) и «Вариативность поведения» ($p < 0,05$), т. е. при выраженности такой психологической защиты как перенос реакции с реально травмирующего объекта на другой существует и поведенческая тенденция казаться опасным или слабым в зависимости от собеседника или ситуации общения. Шкала «Отрицание» имеет обратную связь со шкалой «Демонстрация слабости/ мольба» ($p < 0,05$) и прямую со шкалой «Стремление понравиться» ($p < 0,01$), т. е. тенденция игнорировать болезненные чувства и идеи сочетается с уменьшением демонстрации беспомощности и предъявлением окружающим исключительно социально-одобряемых качеств собственной личности.

Таблица 2

Взаимосвязь факторов самопредъявления и психологических защит в группе женщин с низким уровнем внутренней конфликтности

Параметры	Spearman	
Сублимация/ Самопродвижение	0,315	*
Сублимация/ Примерность	0,324	*
Регрессия/ Примерность	0,337	*
Регрессия/ Демонстрация слабости	0,399	**
Регрессия/ Вариативность поведения	0,313	*
Регрессия/ Отслеживание впечатления	0,356	**
Рационализация/ Отслеживание впечатления	0,310	*
Проекция/ Отслеживание впечатления	0,346	*
Смещение/ Запугивание	0,343	*
Смещение/ Вариативность поведения	0,331	*
Смещение/ Демонстрация слабости	0,388	**
Отрицание/ Демонстрация слабости	-0,300	*
Отрицание/ Стремление понравиться	0,375	**

Прим.: * $p < ,05$, ** $p < ,01$.

Больше всего взаимосвязей параметров выраженности защитных механизмов и самопредъявления личности у женщин с низким уровнем внутренней конфликтности выявлено у показателей «Регрессия», «Демонстрация слабости / мольба» и «Отслеживание впечатления», что позволяет нам обозначить данный симптомокомплекс как «детскость».

Рассмотрим значимые корреляции по шкалам методик в группе 2 представленные в таблице 3.

Таблица 3

Взаимосвязь факторов самопредъявления и психологических защит в группе женщин с высоким уровнем внутренней конфликтности

Параметры	Spearman	
Вариативность поведения/ Формирование реакции	-0,378	*
Вариативность поведения/ Смещение	0,439	**
Вариативность поведения/ Проекция	0,339	*
Вариативность поведения/ Компенсация	0,413	**
Вариативность поведения/ Сублимация	0,338	*
Отслеживание впечатления/ Сублимация	0,321	*
Отслеживание впечатления/ Регрессия	0,329	*
Отслеживание впечатления/ Проекция	0,324	*
Запугивание/ Проекция	0,328	*
Запугивание/ Сублимация	0,340	*

Прим.: * $p < ,05$, ** $p < ,01$.

Шкала «Вариативность поведения» обратно связана со шкалой «Формирование реакции» ($p < 0,05$) и прямо связана со шкалами «Смещение» ($p < 0,01$), «Проекция» ($p < 0,05$), «Компенсация» ($p < 0,01$), «Сублимация» ($p < 0,05$). Это показывает, что при способности предъявлять разные образы в разных ситуациях коммуникации реже увеличиваются какие-либо отдельные аспекты ситуации и чаще происходит перенос ответной реакции с реально травмирующего объекта на другой, приписывание своих неподходящих чувств и влечений другому лицу или усиленное возмещение своих недостатков в социально-одобряемой форме. Шкала «Отслеживание впечатления» прямо связана со шкалами «Сублимация» ($p < 0,05$), «Регрессия» ($p < 0,05$) и «Проекция» ($p < 0,05$), т. е. при возрастании для личности важности производимого ею впечатления чаще происходит перевод неприемлемых желаний и форм поведения в социально одобряемые (художественные, интеллектуальные, культурные и др. цели), возвращение к детским формам реагирования и приписывание собственных нежелательных чувств, мотивов поступков другим людям. Шкала «Запугивание» прямо связана со шкалами «Проекция» ($p < 0,05$) и «Сублимация» ($p < 0,05$), т. е. такой поведенческий паттерн как демонстрация силы сочетается с приписыванием собственных неприемлемых мотивов поведения другим лицам или перевод их в социально-одобряемые формы поведения.

Больше всего взаимосвязей параметров выраженности защитных механизмов и самопредъявления личности у женщин с высоким уровнем внутренней конфликтности выявлено у показателей «Вариативность поведения», «Сублимация», «Отслеживание впечатления» и «Проекция», что позволяет нам обозначить данный симптомокомплекс как «нравственность».

Для выявления факторов, влияющих на выраженность внутренней конфликтности респондентов, был проведен линейный регрессионный анализ. Ковариатами были выбраны параметры самопредъявления и психологических защит личности. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа: зависимая переменная – внутренняя конфликтность

Модель	R	Тест всеобъемлющей модели				
		R ²	F	df1	df2	p
1	0,693	0,480	4,44	16	77	<,001
Предиктор	Вес	SE	t	p		
Константа	1,73326	1,3092	1,324	0,189		
Стремление понравиться	0,18862	0,0932	2,024	0,046*		
Самопродвижение	-0,05978	0,0820	-0,729	0,468		
Примерность	-0,10293	0,0871	-1,182	0,241		
Запугивание	-0,00839	0,0822	-0,102	0,919		
Демонстрация слабости / мольба	0,01408	0,0653	0,216	0,830		
Отслеживание впечатления	0,13441	0,0737	1,824	0,072		
Вариативность поведения	-0,04265	0,0741	-0,575	0,567		
Вытеснение	0,26260	0,1124	2,337	0,022*		
Регрессия	0,31985	0,1065	3,002	0,004**		
Формирование реакции	0,09112	0,0886	1,029	0,307		
Рационализация	-0,06964	0,1231	-0,566	0,573		
Смещение	0,19566	0,0966	2,026	0,046*		
Отрицание	-0,07919	0,0864	-0,916	0,362		
Проекция	-0,03096	0,0893	-0,347	0,730		
Компенсация	-0,14454	0,0996	-1,451	0,151		
Сублимация	-0,07479	0,0932	-0,802	0,425		

Прим.: * $p < ,05$, ** $p < ,01$.

В результате построения регрессионной модели выявлено, что на выраженность внутренней конфликтности влияют факторы: «Стремление понравиться» (0,18862), «Вытеснение» (0,26260), «Регрессия» (0,31985), «Смещение» (0,19566). Для оценки значимости независимых переменных используется t-критерий. Результаты показывают, что четыре показателя являются статистически значимыми переменными в регрессионной модели - «Стремление понравиться» ($t = 2,024, p < 0,05$), «Вытеснение» ($t = 2,337, p < 0,05$), «Регрессия» ($t = 3,002, p < 0,01$), «Смещение» ($t = 2,026, p < 0,05$). С точки зрения важности факторов (значимости), их можно расположить в порядке убывания (где первый фактор – самый значимый): «Регрессия», «Вытеснение», «Смещение», «Стремление понравиться». Остальные факторы, были исключены из анализа, т.к. они являются статистически незначимыми ($p > 0,05$).

Таким образом, на уровень выраженности внутренней конфликтности у женщин влияет такой тип психологической защиты как регрессия, т. е. возвращение к более ранним (менее зрелым) образцам поведения в ситуации конфликта или тревоги. Капризы, детские интонации, упрощенное восприятие иллюзорно кажутся в таких случаях гарантирующими защиту и безопасность. Вторым компонентом является вытеснение, т. е. исключение нежелательных и травмирующих чувств и желаний из сознания. Человек просто не помнит то, что может причинить боль или представить личность в негативном свете самой себе. Третьим компонентом усиления внутренней конфликтности является механизм защиты смещение, когда действие переносится с реально травмирующего объекта на другой, менее значимый, помогая таким образом справиться с острой тревогой. И четвертым по значимости из выявленных компонентов является применение паттернов поведения, рассчитанных на власть обаяния – таких как угодничество, комплименты, соглашательство и демонстрация исключительно социально-одобряемых качеств.

Параметры самопредъявления личности «Демонстрация слабости / мольба» и «Отслеживание впечатления», по которым также были выявлены статистически значимые отличия в группах, не проявились при выявлении предикторов внутренней конфликтности. Мы предположительно отнесли указанные параметры к следствиям внутренней конфликтности у женщин и провели линейный регрессионный анализ для указанных параметров. Ковариатом в обоих случаях была выбрана внутренняя конфликтность. Результаты представлены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа: зависимая переменная – демонстрация слабости / мольба, ковариат – внутренняя конфликтность

Модель	Показатели соответствия модели			Тест всеобъемлющей модели		
	<i>R</i>	<i>R</i> ²	<i>F</i>	<i>df</i> 1	<i>df</i> 2	<i>p</i>
1	0,309	0,0957	9,74	1	92	0,002
Коэффициенты модели – Демонстрация слабости / мольба						
Предиктор	Вес	<i>SE</i>	<i>t</i>	<i>p</i>		
Константа	1,303	0,895	1,46	0,149		
Внутренняя конфликтность	0,503	0,161	3,12	0,002		

Таблица 6

Результаты регрессионного анализа: зависимая переменная – отслеживание впечатления, ковариат – внутренняя конфликтность

Модель	Показатели соответствия модели			Тест всеобъемлющей модели		
	<i>R</i>	<i>R</i> ²	<i>F</i>	<i>df</i> 1	<i>df</i> 2	<i>p</i>
1	0,389	0,152	16,4	1	92	<,001
Коэффициенты модели – Демонстрация слабости / мольба						
Предиктор	Вес	<i>SE</i>	<i>t</i>	<i>p</i>		
Константа	4,667	1,014	4,60	<,001		
Внутренняя конфликтность	0,740	0,183	4,06	<,001		

Данные, представленные в таблицах 5 и 6 наглядно демонстрируют, что внутренняя конфликтность влияет на выраженность таких поведенческих стратегий самопредъявления как «Демонстрация слабости / мольба» и «Отслеживание впечатления».

Обсуждение результатов

Психотерапия может быть успешной в борьбе с внутренней конфликтностью и в повышении качества жизни (Ярославцева и др., 2023), а результаты нашего исследования могут помочь лучше понять, какой вклад вносят те или иные факторы в ее развитие. Наше исследование показало, что для женщин с высоким уровнем внутренней конфликтности более свойственно недопущение в сознание собственных неприемлемых поступков и их мотивов, возврат к детским формам поведения и перенос ответных действий с реально травмирующего объекта на более безопасный. Также они чаще стараются вызвать к себе сострадание и больше контролируют как собственное поведение, так и ответные реакции партнеров по общению. Такие паттерны поведения отражаются на восприятии событий и, следовательно, на качестве жизни и психологическом благополучии личности. К похожим выводам приходит П. А. Белимова, которая констатирует, что «выбор механизмов защиты, в большей мере искажающих реальность или вытесняющих информацию, проявляется в снижении качества интерпретации визуальной информации» (Белимова и др., 2024, с. 39).

Структура симптомокомплекса защитных механизмов и самопредъявления у женщин с низким уровнем внутренней конфликтности выстраивается вокруг показателей «Регрессия», «Демонстрация слабости/ мольба» и «Отслеживание впечатления» и позволяет нам охарактеризовать ее как «детскость». Структура тех же параметров в группе женщин с высоким уровнем внутренней конфликтности выстраивается вокруг параметров «Вариативность поведения», «Сублимация», «Отслеживание впечатления» и «Проекция», что придает ей характер нравственной оценки. В первую модель входит незрелый вид защиты (регрессия) и не одобряемый в социуме тип поведения (демонстрация слабости). Во вторую модель наряду с примитивным видом защиты (проекция), входит также зрелый вид – сублимация. Этот интересный вывод на первый взгляд кажется противоречивым, т. к. проекция – это как раз способ избежать внутреннего конфликта. Ц. П. Короленко приводит в своей статье пример проекции (расщепления), когда девушка неоднократно жалуется, что мужчины рассматривают ее как сексуальный объект и в то же время посылает свои фотографии в бикини в мужской журнал, в надежде стать фотомodelью (Короленко и др., 2014). Можно предположить, что именно присутствие сублимации в структуре психологических защит личности, выражающейся в высокой ориентации на общественное мнение, особенно в тех случаях, когда удовлетворения собственных потребностей идет вразрез с социально-одобряемым порядком, и становится одним из факторов ведущем к противоречиям в поведении и внутренней конфликтности. Это сочетается и с выводами Е. В. Ахмадеевой о том, что респонденты с высоким уровнем рефлексии нерешительны, в то время как респонденты с низкими значениями рефлексии, отличаются уверенностью в себе (Ахмадеева, 2024). При этом умеренная рефлексивная деятельность позволяет выбирать подходящие стратегии самопредъявления.

По итогам исследования, можно заключить, что внутренняя конфликтность является промежуточной переменной между параметрами психологической защиты и самопредъявления. Чем сильнее выражены вытеснение, регрессия и смещение, тем выше уровень внутренней конфликтности у женщин, т. е. больше сомнений и несогласия с собой, тревожно-депрессивных состояний и чувства вины. При этом внутренняя конфликтность сама является предиктором поведения, направленного на демонстрацию слабости и чувствительности к производимому личностью впечатлению. Это вносит дополнительный научный вклад к пониманию организации защитных механизмов, что может помочь в использовании конкретных психокоррекционных вмешательств для перехода от незрелых защитных реакций к зрелым (Walker & McCabe, 2021).

Заключение. В результате проведенного исследования выдвинутая гипотеза о наличии различий в структуре психологических защит и самопредъявления у женщин с разным уровнем внутренней конфликтности нашла свое подтверждение. Было установлено, что особенности самопредъявления и психологических защит у женщин с разным уровнем внутренней конфликтности имеют статистически подтвержденные различия. Значимые расхождения выявлены по трем параметрам психологических защит – «Вытеснение», «Регрессия» и «Смещение», и двум параметрам самопредъявления – «Демонстрация слабости / мольба», «Отслеживание впечатления». Анализ структуры взаимосвязей показал, что ядро защитных механизмов и самопредъявления у женщин с низким уровнем внутренней конфликтности выстраивается вокруг показателей «Регрессия», «Демонстрация слабости / мольба» и «Отслеживание впечатления», что образует симптомокомплекс, условно обозначенный нами как «детскость». В группе женщин с высоким уровнем внутренней конфликтности структура выстраивается вокруг параметров «Вариативность поведения», «Сублимация», «Отслеживание впечатления» и «Проекция», формируя симптомокомплекс «нравственность». Предикторами внутренней конфликтности являются такие параметры психологических защит как «Регрессия», «Вытеснение», «Смещение» и параметр самопредъявления – «Стремление понравиться». При этом, внутренняя конфликтность сама является предиктором параметров самопредъявления личности «Демонстрация слабости / мольба» и «Отслеживание впечатления».

Таким образом, цель исследования достигнута. Были выявлены не только количественные различия в выраженности отдельных параметров, но и структура взаимосвязей между психологическими защитами и самопредъявлением, что позволяет рассматривать внутреннюю конфликтность как системообразующий фактор, определяющий специфику этих процессов у женщин. Перспективным направлением дальнейших исследований выступает изучение специфики внутренней конфликтности, психологических защит и самопредъявления на мужской выборке. Традиционные маскулинные нормы (эмоциональная сдержанность, запрет на проявление слабости) позволяют предположить, что выявленные у женщин симптомокомплексы («детскость» и «нравственность») у мужчин могут трансформироваться в иные поведенческие паттерны. Сравнительное исследование позволит создать гендерно-чувствительные программы психокоррекции и расширить научные представления о роли пола в функционировании защитной системы личности.

Список литературы

- Алексеева, П. С., и Платонова И. Д. (2020). Характеристика самоотношения студенческой молодежи в зависимости от степени выраженности склонности к самоповреждающему поведению. *Мир науки. Педагогика и психология*, 8(5).
- Ахмадеева Е. В., и Дмитриева Л. Г. (2023). Модель самопредъявления в межличностных отношениях. *Российский психологический журнал*, 20(4), 199–216. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.12>

- Ахмадеева, Е. В., (2024). Рефлексивность как условие самопредъявления личности в межличностных отношениях. *Психология. Психофизиология*, 17(2), 5–15. <https://doi.org/10.14529/jpps240201>
- Ахмадеева, Е. В., и Башкатов, С. А. (2021). Личностные характеристики и структура самопредъявления студентов. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 3(163), 196–217. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2021.163.3.012>
- Белимова, П. А., Заширинская, О. В., Турчанинов, Е. Е., Никифоров, А. А., и Иванюхин, Р. Р. (2024). Проявления психологических защит в декодировании графических средств коммуникации у лиц с нарушением интеллекта. *Общество: социология, психология, педагогика*, 5, 34–42. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.5.4>
- Белинская, Е. П., и Авазматова Ф. Х. К. (2023). Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями. *СибСкрипт*, 25(5(29)), 635–644. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644>
- Билецкая, М. В. (2024). Эмпатия и защитные стратегии в общении врачей-ординаторов с разным уровнем перфекционизма. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 12(2(45)), 155–164. <https://doi.org/10.23888/humJ2024122155-164>
- Буртовая, Н. Б. (2018). Психологические факторы внутриличностного конфликта магистрантов, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование». Научно-педагогическое обозрение. *Pedagogical Review*, 1(19), 9–22.
- Варганова, И. И. (2023). Взаимосвязь самооотношения старшеклассников разного пола с частотой проявления когнитивно-эмоционального конфликта. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 58–74.
- Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В., Первозкина, Ю. М., и Козырева, Т. С. (2014). Использование адаптивных психологических защит в терапии девиантного поведения. *Сибирский педагогический журнал*, 6, 143–149.
- Кузнецова Ю. В., и Гуткевич Е. В. (2024). К исследованию взаимосвязи психологических защит и факторов психосоциального стресса в современной зарубежной науке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 14(2), 278–293. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.205>
- Малькова, А. А., и Маралов, В. Г. (2025). Исследование взаимосвязи ассертивности, личностной идентичности и параметров самооотношения у молодых специалистов сферы образования. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(1), 18–31. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-18-31>
- Пантилеев, С. Р. (1991). *Самоотношение как эмоционально-оценочная система*. МГУ.
- Савин, В. А. (2012). Дидактические основы развития самопрезентации как компонента профессиональной успешности будущего специалиста. *Российский психологический журнал*, 9(2), 55–61.
- Савченко, Т. Н., и Теславская, О. И. (2023). Типы внутриличностных конфликтов как детерминанты эскапизма. *Прикладная юридическая психология*, 4(65), 144–154. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).144-154](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).144-154)
- Удачина, П. Ю., Шлыкова, Ю. Б., и Попандопуло, И. В. (2025). Связь созависимого поведения женщин с самооотношением и отношением к ребёнку. *Проблемы современного педагогического образования*, 86–4, 414–417.
- Цветков, В. Л., и Новосельская, С. Р. (2024). Исследование особенностей проявления механизмов психологической защиты и копинг-стратегий у сотрудников органов внутренних дел. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 294–302. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-294-302>
- Черняева, Т. Н. (2023). Взаимосвязь характеристик самооотношения с типами пищевого поведения у подростков. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 3(217), 611–614. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.03.p611-614>
- Ярославцева И. В., Шахова И. С., и Антонец З. А. (2023). Самоотношение женщин – жертв домашнего насилия и его трансформация в процессе группового психологического консультирования. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, 45, 83–92. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2023.45.83>
- Cramer, P. (2014). Defense mechanisms: 40 years of empirical research. *Journal of Personality Assessment*, 97(2), 114–122. <https://doi.org/10.1080/00223891.2014.947997>
- Conversano, C. (2021). Editorial: recent empirical research and methodologies in defense mechanisms: defenses as fundamental contributors to adaptation. *Frontiers in Psychology*, 12, 802602. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.802602>
- Gori, A., Topino, E., & Musetti, A. (2023). The relationship among anxiety, worry, perceived stress, defense mechanisms, and high levels of post-traumatic stress symptoms: a discriminant analytic approach. *Journal of Personalized Medicine*, 13(2), 237. <https://doi.org/10.3390/jpm13020237>
- Gori, A., Topino, E., Musetti, A., Giannini, M., Grotto, R. L., Svicher, A., & Di Fabio, A. (2022). The protective role of mature defense mechanisms on satisfaction with life in the COVID-19 era: a moderated mediation analysis. *Behavioral Sciences*, 12(8), 290. <https://doi.org/10.3390/bs12080290>
- Romeo, A., Benfante, A., Geminiani, G. C., & Castelli, L. (2022). Personality, defense mechanisms and psychological distress in women with fibromyalgia. *Behavioral Sciences*, 12(1), 10. <https://doi.org/10.3390/bs12010010>
- Turiaco, F., Iannuzzo, F., Lombardo, C., Clementi, V., Mento, C., Drago, A., Bruno, A., Muscatello, M. R. A., & Pandolfo, G. (2025). Role of early trauma on defense mechanisms and coping strategies in personality disorders. *Medicina*, 61(7), 1162. <https://doi.org/10.3390/medicina61071162>
- Walker, G., & McCabe, T. (2021). Psychological defence mechanisms during the COVID-19 pandemic: A case series. *The European Journal of Psychiatry*, 35(1), 41–45. <https://doi.org/10.1016/j.ejpsy.2020.10.005>

References

- Akhmadeeva E. V., & Dmitrieva L. G. (2023). A model of self-expression in interpersonal relationships. *Russian Psychological Journal*, 20(4), 199–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.12>
- Akhmadeeva, E. V., & Bashkatov, S. A. (2021). Personal characteristics and structure of students' self-expression. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University*, 3(163), 196–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.25588/CSPU.2021.163.3.01210.25588>
- Akhmadeeva, E. V. (2024). Reflexivity as a condition for self-expression of the individual in interpersonal relationships. *Psychology. Psychophysiology*, 17(2), 5–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/jpps240201>
- Alekseeva, P. S., & Platonova I. D. (2020). Characteristics of the student's self-attitude depending on the degree of severity of the tendency to self-harming behavior. *The world of science. Pedagogy and Psychology*, 8(5). (In Russ.)
- Belimova, P. A., Zashchirinskaya, O. V., Turchaninov, E. E., Nikiforov, A. A., and Ivanyukhin, R. R. (2024). Manifestations of psychological defenses in decoding graphic means of communication in persons with intellectual disabilities. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 5, 34–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2024.5.4>
- Belinskaya, E. P., & Avazmatova F. Kh. K. (2023). The relationship between gender stereotypes and coping with difficult life situations. *SibScript*, 25(5(29)), 635–644. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644>
- Biletskaya, M. V. (2024). Empathy and defensive strategies in the communication of resident doctors with different levels of perfectionism. *Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 12(2(45)), 155–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.23888/humJ2024122155-164>
- Burtovaya, N. B. (2018). Psychological factors of intrapersonal conflict of undergraduates studying in the direction of training "Pedagogical education". *Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review*, 1(19), 9–22. (In Russ.)
- Chernyaeva T. N. (2023). Relationship of the characteristics of self-attitude with the types of eating behavior of adolescents. *Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University*, 3(217), 611–614. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.03.p611-614>
- Conversano, C. (2021). Editorial: recent empirical research and methodologies in defense mechanisms: defenses as fundamental contributors to adaptation. *Frontiers in Psychology*, 12, 802602. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.802602>
- Cramer, P. (2014). Defense mechanisms: 40 years of empirical research. *Journal of Personality Assessment*, 97(2), 114–122. <https://doi.org/10.1080/00223891.2014.947997>
- Gori, A., Topino, E., & Musetti, A. (2023). The relationship among anxiety, worry, perceived stress, defense mechanisms, and high levels of post-traumatic stress symptoms: a discriminant analytic approach. *Journal of Personalized Medicine*, 13(2), 237. <https://doi.org/10.3390/jpm13020237>
- Gori, A., Topino, E., Musetti, A., Giannini, M., Grotto, R. L., Svicher, A., & Di Fabio, A. (2022). The protective role of mature defense mechanisms on satisfaction with life in the COVID-19 era: a moderated mediation analysis. *Behavioral Sciences*, 12(8), 290. <https://doi.org/10.3390/bs12080290>
- Korolenko, Ts. P., Dmitrieva, N. V., Perevozskina, Yu. M., and Kozyreva, T. S. (2014). The use of adaptive psychological defenses in the treatment of deviant behavior. *Siberian Pedagogical Journal*, 6, 143–149. (In Russ.)
- Kuznetsova Yu. V., & Gutkevich E. V. (2024). To study the relationship between psychological defenses and factors of psychosocial stress in modern foreign science. *Bulletin of the Saint Petersburg State University. Psychology*, 14(2), 278–293. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.205>
- Malkova, A. A., & Maralov, V. G. (2025). Research of the relationship between assertiveness, personal identity and self-attitude parameters among young specialists in the field of education. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(1), 18–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-18-31>
- Pantileev, S. R. (1991). *Self-attitude as an emotional evaluation system*. MSU. (In Russ.)
- Romeo, A., Benfante, A., Geminiani, G. C., & Castelli, L. (2022). Personality, defense mechanisms and psychological distress in women with fibromyalgia. *Behavioral Sciences*, 12(1), 10. <https://doi.org/10.3390/bs12010010>
- Savchenko, T. N., & Teslavskaya, O. I. (2023). Types of intrapersonal conflicts as determinants of escapism. *Applied Legal Psychology*, 4 (65), 144–154. (In Russ.) [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).144-154](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).144-154)
- Savin, V. A. (2012). Didactic foundations of self-presentation development as a component of professional success of a future specialist. *Russian Psychological Journal*, 9(2), 55–61. (In Russ.)
- Tsvetkov, V. L., & Novoselskaya, S. R. (2024). Study of the peculiarities of manifestation of psychological defense mechanisms and coping-strategies in internal affairs officers. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 294–302. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-294-302>
- Turiaco, F., Iannuzzo, F., Lombardo, C., Clementi, V., Mento, C., Drago, A., Bruno, A., Muscatello, M. R. A., & Pandolfo, G. (2025). Role of early trauma on defense mechanisms and coping strategies in personality disorders. *Medicina*, 61(7), 1162. <https://doi.org/10.3390/medicina61071162>
- Udachina, P. Yu., Shlykova, Yu. B., & Popandopulo, I. V. (2025). The relationship of codependent behavior of women with self-attitude and attitude to the child. *Problems of Modern teacher education*, 86–4, 414–417. (In Russ.)
- Vartanova, I. I. (2023). Interrelation of the self-attitude of high school students of different sexes with the frequency of cognitive-emotional conflict. *Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*, 46(3), 58–74. (In Russ.)

Walker, G., & McCabe, T. (2021). Psychological defence mechanisms during the COVID-19 pandemic: A case series. *The European Journal of Psychiatry*, 35(1), 41–45. <https://doi.org/10.1016/j.ejpsy.2020.10.005>

Yaroslavtseva I. V., Shakhova I. S., & Antonets Z. A. (2023). Self-attitude of women, victims of domestic violence, and its transformation in the course of group psychological counselling. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, 45, 83–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2023.45.83>

Об авторах:

Нелли Николаевна Хачатурян, доцент кафедры психологии образования и организационной психологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), nellja-nik@mail.ru

Луиза Арменаковна Етумян, старший преподаватель кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), luiza.yetumyan@gmail.com

Евгений Евгеньевич Марухин, старший преподаватель кафедры «Психология развития личности», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), [ORCID](#), [SPIN-код](#), evgmaruhin@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Nelly Nikolaevna Khachaturyan, Associate Professor of the Psychology Education and Organizational Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003 Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), nellja-nik@mail.ru

Louisa Armenakovna Yetumyan, Senior Lecturer of the General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), luiza.yetumyan@gmail.com

Evgeny Evgenievich Marukhin, Senior Lecturer, Personality Development Psychology Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation,), [ORCID](#), [SPIN-code](#), evgmaruhin@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.07.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 16.03.2026

Принята к публикации / Accepted 19.05.2026